

Олег Якубов

Привет эпохе

Откровения
репортера

Якубов Александрович

Привет эпохе

«Автор»

2008

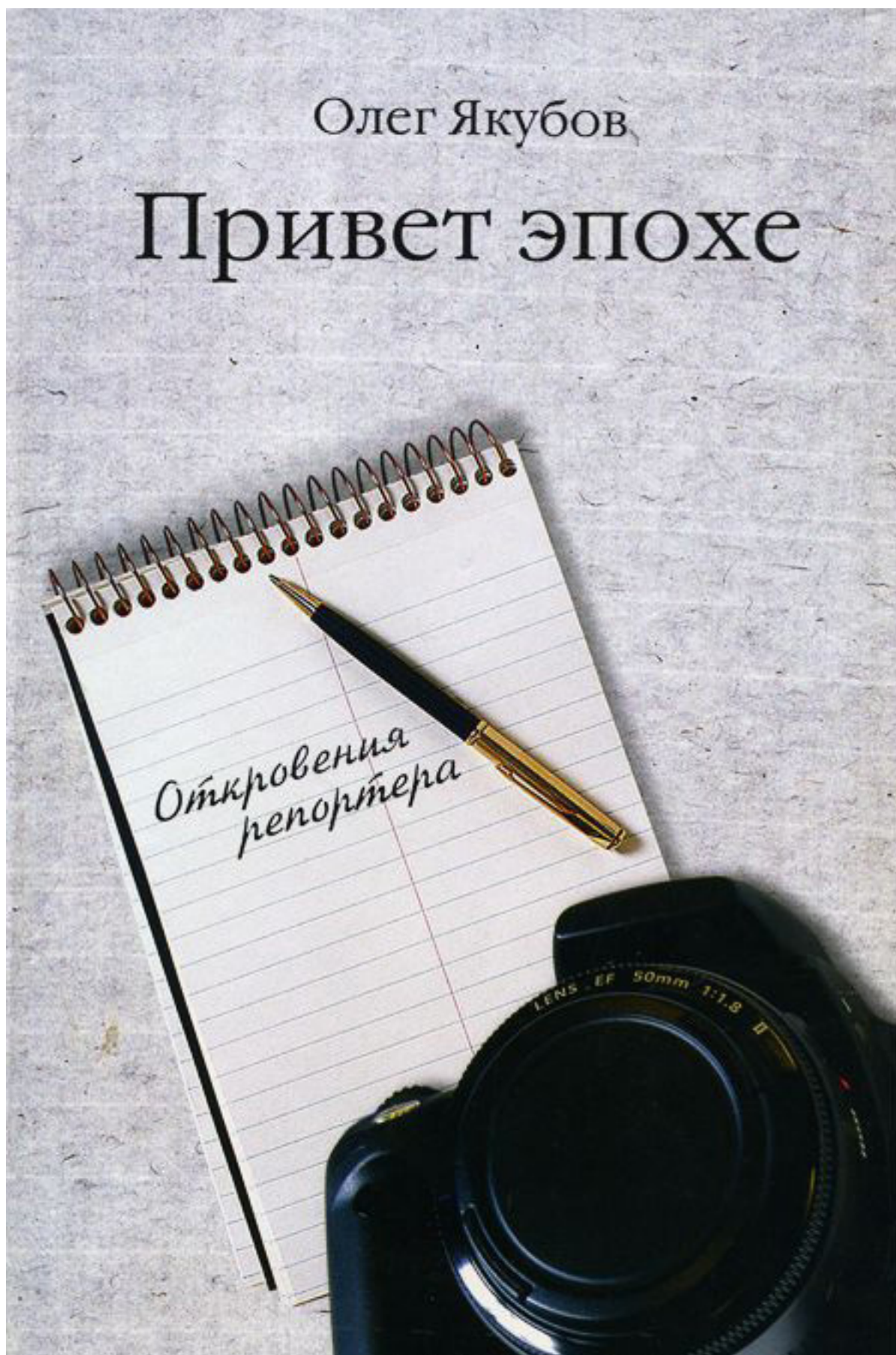
Александрович Я. О.

Привет эпохе / Я. О. Александрович — «Автор», 2008

У автора этой книги - удивительная, насыщенная феерическими событиями судьба. В самом деле: многим ли довелось поработать в воюющем Афганистане и побывать на атомном реакторе Чернобыльской АЭС; летать на Северный полюс и подниматься на Памир; вблизи почувствовать весь трагизм арабо-израильских конфликтов и обсудить проблемы мировой политики с премьер-министром Японии; пообщаться с Владимиром Высоцким и Михаилом Жванецким. Таков уникальный жизненный опыт журналиста-международника Олега Якубова. И всем пережитым он щедро и откровенно делится с читателем. Обо всём этом и не только в книге Привет эпохе. Откровения репортера (Олег Якубов)

© Александрович Я. О., 2008

© Автор, 2008

ОЛЕГ ЯКУБОВ

Родителям и учителям моим
посвящаю

ПРИВЕТ ЭПОХЕ

(Откровения репортера)

—

ОТ НАЧАЛА...

Вас никогда, как птицу с ветки, не сшибали камнями? А может быть, вы падали с буровой вышки, переправлялись в танке под водой, или, напялив несуразно высокие резиновые сапоги, сутками бродили со змееловами по пустыне в поиске ядовитой кобры? Тоже нет? Да, кстати, а когда вы последний раз беседовали с премьер-министром Японии? Ах, не беседовали вовсе, только по телеку его видели... Ну, значит, репортер – не ваша профессия. И будем считать, что повезло не вам, а мне.

...Четырнадцатилетний мальчишка написал несколько неразборчивых строк на тетрадных листочках в клеточку и когда этот опус, безжалостной рукой литредактора искореженный и сокращенный до неузнаваемости, все же появился в молодежной газете, и я увидел на первой полосе свою фамилию, выбор профессии состоялся.

Свое восемнадцатилетие начинающий журналист отметил, как никто другой

– именно в день рождения меня приняли на работу в многотиражную газету на почетную должность курьера, и вообще – «прислуги за все». На следующее утро я сбегал в университет, где учился на первом курсе, тайком от родителей перевелся на заочное отделение и помчался в редакцию, прихватив по дороге бесхозный и основательно проржавевший мотороллер «Вятка», так как полагал, что при хлопотных обязанностях курьера персональный транспорт просто необходим.

Старшие коллеги баловали «малыша» и доверяли мне самые «ответственные задания». Я бегал в ближайший магазин за водкой, вычитывал остро пахнущие типографской краской гранки, за каждого, кто изъявлял желание отлынить, дежурил по номеру, научился тонкой стальной линейкой – строкомером не только измерять размер текста, но и резать хлеб с колбасой, а иногда мне разрешали даже подготовить какой-нибудь репортаж, интервью или информацию. Одним словом, я прошел блестящую школу «молодого бойца».

Выйдя за порог этого многотиражного вертепа в большую журналистику, я сделал для себя главный вывод – без газеты мне не жить. А поскольку и хлебом, и солью любой газеты, как известно, является репортаж, то специализацию я себе выбрал репортерскую.

Теоретики уже много веков спорят, что главное в профессии. Называют эрудицию, память, мобильность, профессиональное нахальство и даже умение пить, не пьянея. Я же полагаю, что главное для репортера – умение слушать. Даже не задавать вопросы – это не так уж сложно, а именно слушать. И еще я искренне считаю, что нет неинтересных людей и скучных

собеседников. Есть плохие репортеры, не умеющие слушать. Я слушаю вот уже сорок с лишним лет, и до сих пор от этого не устал.

Кое-что из услышанного я предлагаю вниманию читателей этой книги. Сразу оговорюсь. Хотя я и пытался придерживаться хронологии событий, да и биографических деталей не избегал, это не мемуары и даже не наброски к будущим мемуарам. Мемуаристика вообще не репортерский жанр. Просто мне захотелось познакомить вас поближе с некоторыми из тех замечательных людей, общение с которыми подарила мне моя лучшая в мире профессия. Это истории смешные и забавные, иногда грустные, а порой даже трагичные. Но все, без исключения, – откровенные.

Впрочем, вам судить...

ГЛАВА 1

Редакция многотиражной газеты «Геологоразведчик Узбекистана» находилась в покоившемся двухкомнатном флигеле на задворках республиканского министерства геологии. Эта газета стала едва ли не последним пристанищем для спивающихся литрабов, выброшенных за борт нормальной журналистики. Ранним утром здесь еще имитировалась хоть какая-то видимость работы, но уже к двенадцати часам дня «столпы республиканской журналистики», как их пышно величал редактор, устраивались в какой-нибудь близлежащей кафешке и предавались воспоминаниям о былых литературных подвигах и свершениях. Возглавлял эти посиделки шеф – Геннадий Иванович Леонтьев, причислявший себя, и кажется, вполне искренне, к «столпам отечественной журналистики».

Леонтьев был человеком поистине удивительной биографии и прославился тем, что ни единого дня не проработал рядовым сотрудником, а сразу стал редактором.

А произошло следующее. В конце все еще гуманных сороковых, закончив десятилетку, юный Гена устроился на работу в газету маленького уральского городка. Принимавший у него заявление редактор, ночью, по обыкновению того времени, был арестован. Возглавлять газету стало решительно некому, Леонтьева в первый же день его трудовой деятельности назначили редактором. Как-то раз, дело было в начале осени, горсовет выделил деньги на дрова для отопления редакции. Деньги были пропиты в одночасье, а когда ударили ранние морозы, лихие журналисты встали на лыжи и отправились в лес на заготовку дров. Они планировали вернуться через пару деньков, но из-за снежных заносов, вынуждены были укрыться в охотничьем домике и, потеряв счет времени, вернулись в родной город только через десять дней. Леонтьев отправился редакторствовать в другой город и долго потом кочевал по Уралу. Менялись редакции, но не менялась его должность, зафиксированная в трудовой книжке раз и навсегда – редактор. Великая все же была сила, эта номенклатура.

Подорвав изрядно в суровом краю здоровье, номенклатурный Геннадий Иванович добрался до теплых узбекских краев. Потыркавшись по чиновничьим кабинетам, он, наконец, получил вакантную к тому времени должность редактора геологической многотиражки. В зависимости от времени года, этот крупный грузный человек ходил либо в пальто, либо в костюме, но два атрибута гардероба были неизменны – старые потускневшие калоши и старомодная, потерявшая всякую форму, широкополая велюровая шляпа ядовито зеленого цвета. К девяти утра он являлся в редакцию, аккуратно ставил в угол при входе калоши, основательно усаживался за письменный стол, извлекал из необъятных карманов неизменный завтрак – бутылку водки, селедку, завернутую в купленную по дороге свежую газету и краюху хлеба. Завтракать, читать газету и просматривать оригиналы материалов он умудрялся одновременно. Больше всех доставалось от его завтраков мне. В силу своих курьерских обязанностей я отвозил оригиналы в типографию и выслушивал от рабочих такое, от чего краснела даже серая газетная бумага. Линотиписты кричали, что больше не желают терпеть эту селедочную вонь, швырялись различными, по большей части металлическими предметами, и вообще

всяко гневались. Но на каждую газетную верстку я получал от редактора десять рублей, как он их называл, представительских. Уже скоро я научился усмирять гнев типографских демонстрацией пресловутого «червонца», суля им, за труды праведные и долготерпение, различные кулинарно-алкогольные развлечения в круглосуточном издательском буфете. Они меняли гнев на милость, но заставляли меня пособлять им во всем. Я и не противился. Мне было все интересно в прекрасной моей работе. Я охотно помогал линотипистам, научился верстать отлитые в свинце газетные строчки, набирать в металлической рамке заголовки и даже путался под ногами у аристократов типографского мира – мастеров ротационных машин, по огромным барабанам которых ночью нескончаемым потоком текли остро пахнущие краской завтрашние газеты. Выпустив номер и, прихватив с десятков сигнальных экземпляров, я мчался по пред рассветному городу в опустевшую редакцию, где начиналось мое время. Расчехлив портативную машинку «Москва», я писал собственные репортажи.

Обладателем пишущей машинки я стал в первый же день работы. Едва появился в редакции, кто-то из старших коллег вкрадчиво поинтересовался, умею ли я печатать на машинке. Услышав отрицательный ответ, умудренный опытом соратник, категорично и внушительно произнес: «Пока не научишься, журналистом тебе не быть» и тут же, смилостивившись, предложил приобрести у него за «смехотворную» цену в пятьдесят рублей «Москву». Я был счастлив. Радость моя не угасла даже тогда, когда ремонтный мастер содрал с меня за восстановление «этой рухляди» еще столько же. Как можно было думать о деньгах, когда передо мной открывались столь блестящие перспективы.

Спустя несколько месяцев, на меня обратил внимание единственный сотрудник, никогда не принимавший участия в редакционных пьянках – фотокорреспондент Эмиль Каримов. Коллеги злословили, что Эмиль «свою цистерну уже вылакал» и потому может себе позволить быть праведником. Сам же Эмиль утверждал, что зелье никогда не жаловал. Этот пожилой человек сказал, что не владеющая фотоаппаратом особь не смеет называть себя журналистом, и я рысью помчался в магазин, где приобрел дивный «Киев-4». Эмиль Михайлович не только щедро делился со мной секретами фотомастерства, но и стал брать меня в командировки. Он обожал съемки с верхней точки и молодой ассистент был ему просто необходим.

Однажды под Самаркандом мы с ним увидели совершенно потрясающее зрелище. На площади перед мечетью, стоя на коленях, молилось множество мужчин. А рядов в десять перед ними выстроились остроконечные узбекские калоши. Неподалеку от мечети росло развесистое дерево, куда я Михалычем тотчас и был отправлен. На верхней ветке я устраивался долго и неуклюже, наделал, должно быть, шуму изрядного, чем и привлек к себе внимание. Один из молящихся прервал свое общение с аллахом и вплотную занялся мной: камни в сторону дерева полетели один за другим. Наспех щелкнув несколько раз фотозатвором, я кубарем скатился вниз. Впрочем, даже из этой поспешной съемки Каримов умудрился сделать серию блестящих снимков, которые впоследствии с удовольствием опубликовал «Огонек».

Спустя пару месяцев мы с Михалычем делали репортаж о буровиках. Сыпучие барханы каракумской пустыни привлекли внимание фотохудожника. На этот раз мне пришлось карабкаться на самую верхотуру буровой. Не шее у меня болтались две фотокамеры, ремешок третьей я перекинул через плечо. Едва докарабкался доверху, ремешок соскользнул с потного плеча, фотоаппарат полетел вниз, а я, инстинктивно, нырнул за ним. Песок принял меня в свои «нежные объятия», но после рентгена врач районной больницы недоуменно развел руками: ни одного перелома, только сильные ушибы. Михалыч ворчал, что я приношу ему одни несчастья, но по-прежнему меня опекал и даже бесстрашно спорил с редактором, которого ничуть не боялся. Он утверждал, что «грех держать пацана на курьерской должности, а надо в хвост и гриву гонять по командировкам». Авторитет его сыграл свою роль, да и в командировки ездить особых желающих среди наших редакционных «созерцателей действительности» не находи-

лось. Так что стал я с той поры колесить по геологическим партиям и экспедициям, чему рад был несказанно.

СОЛНЦЕ ИСТОРИЮ ПОГУБИТ

Оказавшись в экспедиции у гидрогеологов, я сподобился присутствовать при историческом событии – торжественном открытии очередной «ветки» Большого Ферганского канала (БФК). В знойном узбекском климате народная поговорка «вода – это жизнь» имеет особое значение. Поэтому на торжество приехало начальство самого высокого ранга. Открывать новую очередь канала должен был первый секретарь ЦК компартии Узбекистана, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Шараф Рашидович Рашидов. Как и положено, натянули красную ленточку, на красной же подушечке уложили блестящие ножницы. Начальство вальсяжной поступью приближалось к месту исторического события. Впереди – высокий, седовласый, со звездой Героя Соцтруда на лацкане светлосерого пиджака шествовал Рашидов. Среди фото-репортеров, толпящихся по другую сторону ленточки, раздался ропот. Кто-то явственно произнес: «Труба дело. Солнце прямо в объектив светит, будь оно неладно. Ни хрена не получится, одна чернота будет». Знать меня в ту пору из коллег никто не знал, и мнение мое никого не интересовало. Встрял, однако ж:

– Так надо их попросить, – И я кивнул в сторону начальства, – чтобы ленточку с другой стороны перерезали.

– Ну, иди, попроси. Кто тебя, дурака, к ним подпустит? Пикнуть не успеешь, руки заломят.

Пикнуть и вправду никто не успел, как я, сам не ведая, чего творю, уже перемахнул по другую сторону. Думаю, в тот момент все попросту оторопели, а когда спохватились, я уже сбивчиво обращался, и не к кому-нибудь, а к Рашидову!

– Шараф Рашидович, Фотографировать нельзя. Солнце мешает. Ничего не получится...

Но меня уже теснили, железной хваткой сцепив руки, плечи, попутно награждая за самоотверженность чувствительными тумаками. Понимая, что ничего своей выходкой не добился, я в отчаянии выкрикнул: «Да ведь солнце историю погубит!»

– А ну-ка, погодите! – строго приказал Рашидов. – И, уже обращаясь непосредственно ко мне, спросил. – Какое солнце? Какую историю погубит?

Понимая, что никто мне разглагольствовать не позволит, я четко, как только сумел в тот напряженный момент, объяснил ситуацию. Когда-то в молодости, вернувшись после ранения с фронта, Рашидов и сам работал сначала журналистом, потом редактором республиканской газеты. Наверное, поэтому он сразу уловил суть.

– А что? Он ведь прав. Мы должны сохранить для истории этот момент. Да и ничего страшного не произойдет, если мы ленточку перережем с другой стороны. – И перешагнул первым, попутно бросив через плечо охранникам досадливое. – Отпустите же вы его, в конце-то концов. – И уже обращаясь непосредственно ко мне, добавил короткое резюме. – Молодец.

Х Х

Х

...Вернувшись из очередной командировки, я застал в редакции страшный раскардаш. Повсюду валялись растерзанные подшивки газет, дверцы опустевших шкафов были настежь раскрыты, столы сдвинуты к середине. Словоохотливая машинистка Валентина – первый раз за год увидел ее почти трезвой – объяснила мне, что вышел какой-то то ли указ, то ли приказ и по всему Союзу закрыты все ведомственные геологические газеты. Наша, понятно, в том числе.

– Иди к Гавнадий Иванычу (она Леонтьева иначе даже в глаза не называла), он как раз ребятам трудовые книжки заполняет, – посоветовала Валентина.

Печь в редакции давно остыла, было холодно и неудобно. Геннадий Иванович, не сняв пальто, шляпы и калош, восседал на своем привычном месте. Традиционная бутылка «московской» была уже ополовинена.

– Ну, ты уже наши новости знаешь? – поинтересовался Леонтьев. – Вот и ладушки. Говори, чего тебе в трудовую книжку записать?

– Как понять? – туповато поинтересовался я.

– Экий ты тугодум, – пожурил редактор. – Вот я всем ребятам написал в графе занимаемая должность – «заместитель редактора». Но ты-то для замредактора годами не вышел, вот и спрашиваю, чего тебе писать. Ты же у нас курьером все это время числился, а с такой записью в трудовой куда пойдешь? Вот что, – решил он сам, – напишу тебе «ответственный секретарь». Тем более, секретарскую работу и верстку ты действительно знаешь.

«Да пишите, что хотите», – удрученно ответил я. Известие о том, что газета закрыта, меня не поразило даже, а потрясло. Через две недели мне исполнялось девятнадцать лет, я полагал, что жизнь с момента закрытия геологической газеты утратила всякий смысл.

Дома моих горестей не разделили. Отец проворчал: «Ну, и слава Богу. Вернешься на очное отделение, будешь учиться как все нормальные студенты, «хвосты» свои сдашь, наконец.

Отцовскому совету сын не внял. Месяца три бестолково топтался по редакциям ташкентских газет и равнодушная фраза «вакансий нет» преследовала меня даже по ночам во сне. А потом меня зазвал к себе домой на чашку чая Эмиль Михайлович Каримов.

– Ну что, куда не берут? – спросил он без обиняков, не прекращая манипулировать с заварочным чайником. И добавил безжалостно и категорично. – И не возьмут. Никого из нашей «подтиражки» куда в приличное место не возьмут, уж поверь моему опыту. И ты никому не докажешь, что не водку вместе со всеми жлекал, а делом занимался. К тому же тебе сейчас сколько, всего девятнадцать? Ну, кому ты, такой молокосос, нужен? Да ладно, ладно, не вешай носа. Я вот что тебе сказать хочу. Ты молодой, семьей не обременен. Мотай-ка ты в область.

– В какую еще область? – переспросил его, ошарашенный неожиданным предложением.

– Да в любую, – откликнулся Михалыч, разливая чай по пиалам и подвигая ко мне вазочку с вареньем. – В областных газетах на кадры голод. Возьмут хоть черта в ступе, им люди позарез нужны. А школа областной газеты, поверь мне, сынок, это школа настоящего мастерства. Поработаешь лет, эдак, с пяток в «областнухе», потом с таким опытом в столицу на белом коне въедешь.

– Ну, а куда конкретно посоветуете?

Михалыч усмехнулся, взял меня за руку, подвел к стене, на которой висела карта Узбекистана и предложил:

– Закрой глаза и наугад ткни пальцем.

Так я и поступил, решая собственную судьбу. Открыв глаза, глянул на карту. Палец твердо уперся в название «Фергана».

– Ну, вот видишь, – удовлетворенно хмыкнул Эмиль Михайлович. – Прекрасный город Фергана, к тому же ты там бывал, по-моему, не раз. – и добавил строго и наставительно. – Не дрейфь. Я тебе дело советую.

Колебался я недолго. Предложение старого репортера с каждым днем размышлений нравилось мне все больше. Наспех сочинив для родителей какую-то небылицу про студенческий семинар, я забрался на верхнюю полку плацкартного вагона поезда и уже через двенадцать часов был в Фергане. В редакцию «Ферганской правды» отправился прямо с вокзала.

Было раннее утро. Рабочий день еще не начался, но редактор уже находился на месте и я беспрепятственно зашел в кабинет. Выслушал он меня довольно хмуро, но потом, открыв трудовую книжку с единственной записью, разом повеселел:

– А ты, оказывается, ценный кадр, – заявил редактор. – Отлично, отлично. Нам как раз в секретариат люди нужны. Пойдешь работать заместителем ответственного секретаря, – огласил он свое решение.

– Не, я в секретариат больше не хочу, мне бы в пишущий отдел.

– Ишь ты! – даже не возмутился, а скорее удивился такой строптивости юного просителя редактор. Еще один гений выискался. Ты что же, хорошо пишешь?

– Может, пока и не хорошо, – сознался я. – Но научиться хочу.

– Ну, вот что, – редактор вышел из-за стола и, подойдя к окну, поманил меня за собой. – Вон видишь, дом стоит четырехэтажный, новый. Недавно сдали. Это наш ведомственный дом, построенный для журналистов и типографских рабочих. А теперь смотри. – Он вернулся к столу, выдвинул один из ящиков и достал оттуда ключ. – Это ключ от однокомнатной квартиры в том самом доме. Держу специально для работника секретариата. Сейчас пишешь заявление, получаешь ключ, идешь устраиваться, а после обеда выходишь на работу. Годится?

– Я бы подумать хотел...

– Ну, думать никогда не вредно. Жду тебя завтра, – он посмотрел на часы. – В это же время. Но ни минутой позже. Молод ты еще условия ставить.

Удрученный, покидал я редакцию. Возвращаться снова к технической секретарской работе не хотелось ни в какую, даже ценой столь заманчивого предложения, как получение собственной квартиры. «А может, согласиться, обустроиться, а потом из секретариата в отдел перебраться?» – мелькнула мысль. Дабы все спокойно обдумать присел я на какую-то скамейку. Но думать мешал беспрестанно бубнящий, искаженный паршивым динамиком голос. Он раздражал, не давал сосредоточиться. Оглядевшись, я понял, что оказался вблизи автовокзала, а бубнящий голос возвещал об отправлении и прибытии автобусов. Ближайший к Фергане город – Наманган, припомнилось мне из моих прежних командировок по республике. А не махнуть ли в соседнюю область и попытать счастья там? Сказано – сделано, и я поспешил к кассе.

Кассирша огорчила тем, что автобус в Наманган ушел пять минут назад, ближайший будет через 55 минут. Я уж было решил подождать, когда все тот же бубнящий голос объявил об отправлении андижанского автобуса. Узнав у кассирши, что до Андижана ехать всего час, ринулся к автобусу.

Редакцию андижанской областной газеты долго искать не пришлось – она находилась тут же, на привокзальной площади. В приемной редактора никогда не было. Поскребшись в обитую дерматином дверь и, не услышав ответа, я переступил порог кабинета. Трое сидящих там мужчин глянули на меня вопрошающе.

– Я приехал из Ташкента, хочу устроиться к вам на работу.

– Приехал из Ташкента и сразу на работу, – насмешливо произнес явно главный из всех. – Ну, раз приехал, проходи, рассказывай, кто ты, да что ты.

Коротко поведал о своих «достижениях» – со школьных лет печатался в республиканской молодежке, потом год проработал в редакции геологической газеты.

– Н-да, – проворчал редактор. – Биография, прямо скажем, небогатая. Люди-то нам нужны, но вот нужен ли нам именно ты, это еще большой вопрос.

– Ну, что вы, если у вас есть вакансии, то я вам подойду, – достаточно опрометчиво проявил я неоправданную самоуверенность.

– А ты, оказывается, еще и нахал, – без всякого, впрочем, недовольства констатировал редактор. – Да ты не обижайся, может, оно и неплохо. Мы вот как с тобой поступим. Ты погуляй по городу, пообедай, а часикам к четырем возвращайся. А мы тем временем подумаем.

До четырех часов я бесцельно шатался по пыльному Андижану и, едва дождавшись назначенного времени, с трепетом вновь зашел в уже знакомый кабинет. На этот раз редактор был один. Он пригласил меня присесть возле приставного столика, радушно предложил чаю,

что я немедленно оценил как хорошее предзнаменование, но заговорил достаточно строгим тоном:

– Нам действительно нужны журналисты. Но потянешь ты работу или нет, я не знаю. Поэтому решение будет таким. Возьмем тебя в штат с испытательным сроком. Справишься – будешь работать. Нет – поедешь восвояси. Ну как, согласен?

– Еще как согласен, спасибо. Я справлюсь, вот увидите. А когда приехать можно? Мне же надо домой съездить, родителей предупредить...

– Вот и поезжай, предупреждай. Как сможешь, возвращайся. Глядишь еще, папа с мамой тебя никуда не отпустят. Да ты не беспокойся, – заметив мое явное смятение, успокоил редактор. – Никуда твоя вакансия от тебя не убежит. Раз обещал, возьму.

Что творилось дома, когда я объявил о своем решении! Мама тайком плакала, но мои заверения, что без газеты я своей жизни не мыслю, молчаливо одобряла. Отец, сначала выдав несколько нелестных эпитетов по поводу моего характера, жизненных взглядов и умственных способностей, сказал с горечью: «Что люди скажут? Ребенок из родительского дома на чужбину едет работать». После этого он попросту перестал со мной общаться. В этой гнетущей обстановке, не ведая, что ждет впереди, и покидал я отчий дом. На душе было скверно, тревожно. И радостно.

ГЛАВА 2

Областной город Андижан свои объятья мне раскрывать не торопился. Новые коллеги встретили меня сдержанно. Когда редактор «Андижанской правды» Рубен Акопович Сафаров представил меня заведующему отделом культуры и информации Марку Михайловичу Кошеватскому, тот лишь голову склонил – подчиняюсь, мол, принятому руководством решению. Но мне было не до самокопаний и тонких психологических нюансов. После геологического дурдома, областная редакция казалась мне храмом журналистики. Люди здесь вкалывали с утра до вечера. И не мудрено. В тот период областную ежедневную газету делали всего-навсего шесть журналистов. А если точнее, то пять, плюс новичок. И хотя я старался изо всех сил, проку от меня, как теперь понимаю, было совсем немного. В редакции засиживался допоздна, идти в общий номер гостиницы, где поселился, не хотелось. Там вечерами резались в карты командировочные, пили дешевый портвейн, а радиорепродуктор не выключался и звук в нем не регулировался. Через неделю я получил первое самостоятельное задание. Надо было поехать в колхоз и подготовить репортаж о клубной самодеятельности. «Секретарь парткома колхоза в курсе, так что он тебе данные даст» – вот и все напутствие, которое я получил от своего непосредственного начальства. Колхозный «партайгеноссе» ожидал, вероятно, увидеть маститого мастера пера, но никак не мальчишку, предъявившего красную книжицу-удостоверение. Он долго вертел в руках мой документ, даже колупнул ногтем обложку, потом, смирившись и, следуя неукоснительным законам гостеприимства, завел меня в комнату, где уже был накрыт стол.

– Спасибо, я не голоден. Мне бы поговорить с вами, – робко попытался я отказаться от угощения.

– Э, нет, – живо отреагировал секретарь парткома. – Сначала обед, потом разговоры. Если не кушаешь, значит фельетон (он именно так и произнес) писать хочешь.

– Ну почему обязательно фельетон? Просто мне хотелось бы сначала с вами побеседовать, в клубе побывать, с руководителем самодеятельности познакомиться...

Но меня уже никто не слушал. Какие-то люди подносили к столу все новые и новые блюда, придвинутый ко мне стакан уже был полон водкой. За столом сидело человек шесть-семь, они о чем-то говорили на родном языке, а я проклял себя за то, что вместо прилежного изучения в школе узбекского языка, сбегал с уроков и беспечно гонял на спортплощадке в футбол. Попытка незаметно передвинуть стакан в сторону успехом не увенчалась, меня тотчас уличили

в антиобщественном поступке и я вынужден был глотать обжигающую горло и нутро жидкость. Алкоголь меня не брал, так я был напряжен. Наконец, эта попытка обедом закончилась и мы отправились в громадный сарай, важно именуемый здесь дворцом культуры. Вечером, добравшись до редакции, уселся за пишущую машинку и на удивление легко настроил репортаж. Через день, когда материал уже был опубликован, удостоился всяческих похвал начальства за свежесть взгляда, необычность изложения и еще за что-то. Эти похвалы ничуть меня не грели, скорее – обжигали. Уж слишком явственно увидел я перед собой бывших коллег по «Геологоразведчику Узбекистана»: большинство из них не в состоянии были написать и строчки без алкогольного допинга. В тот день я дал себе зарок, которому, кстати, свято следую и по сей день – под воздействием алкоголя к письменному столу даже близко не подходить.

ВСЕХ ОБОГРЕТЬ

Анну Васильевну Мальцеву, юную вдову погибшего моряка – Героя Советского Союза эвакуировали в Андижан из блокадного Ленинграда. Здесь она закончила педагогический институт, стала работать в школе, снова вышла замуж, родила дочь, похоронила мужа, скончавшегося от многочисленных фронтовых ранений. Школ тогда в Андижане было немного, Анну Васильевну знал, что называется, весь город. Бывшие ученики ее обожали, не забывали, окончив школу, навещать, и непременно с цветами. К Анне Васильевне меня привел коллега по работе, когда я уж совсем отчаялся найти себе съемное жилье.

– Отведу тебя вечером к одной замечательной женщине, – сказал мне коллега. – Она весь город знает, и весь город знает ее. Уж она тебе точно что-нибудь да сыщет.

Вечером мы уже пили чай у Анны Васильевны. Двое ее внуков с ног до головы извозились принесенным нами тортом и она шуганула их в ванную, наказав как следует умыться и немедленно ложиться спать. На прощанье она мне сказала, чтобы завтра после работы пришел к ней прямо с вещами, а за день она точно жилье подберет. Вот так со спортивной сумкой, где находился немудреный мой гардероб, я к ней и заявился. Снова пили чай, не спеша, беседовали, а я все недоумевал, отчего она ничего не говорит по поводу моей просьбы. Был уже довольно поздний вечер, когда Анна Васильевна, уложив спать беспокойных Вовку и Лену, произнесла: «Спать пора, на работу вставать рано. Пойдем, покажу тебе твое место.

Все так же недоумевая, отправился следом за ней на кухню. Со вчерашнего дня здесь произошли перестановки. Стол чуть ли не вплотную придвинули к газовой плите, а между окном и стеной втиснули маленький диванчик, уже застеленный чистым постельным бельем.

– Сегодня ничего приличного найти не сумела, – пояснила Анна Васильевна. – Так что поживешь здесь денек-другой, а я тебе квартиру подыщу. Да ты не беспокойся, – заметила она мою растерянность, – мы тебе не помешаем. Из гостиницы-то небось выписался? Так что идти тебе некуда. Располагайся.

Идти мне и впрямь было решительно неуда. Я смирился.

Как известно, нет ничего более постоянного, чем временные ситуации – у Анны Васильевны на кухне я прожил три месяца. По вечерам она приходила на кухню, закуривала «Беломор», современных сигарет не признавала, и мы вели с ней неторопливые беседы. Собственно говоря, я больше молчал и слушал. Слушал про то, как чудом выжила она в блокадном Ленинграде, как, будучи студенткой, латала-перелатывала единственное платье, как, после смерти второго мужа, боялась с кем-нибудь вновь связать свою жизнь. Про бесчисленных своих учеников рассказывать могла часами. Всех их Анна Васильевна помнила по именам и каждого из них продолжала она любить.

Через несколько дней после того, как я нее поселился, нам в редакции выдавали пресловутые продовольственные наборы. Я с гордостью нес в дом два килограмма костей со звучным названием «мясное рагу», пакет с торчащими во все стороны серыми макаронами и несколько банок каких-то неопределенных консервов. Анны А.Васильевны дома не было, она отправи-

лась после работы навещать какую-то заболевшую ученицу. Вовка и Леночка, радуясь моему приходу, тут же полезли в пакеты.

– Так, дети, – строго сказал я. – Бабушка вернется голодная, надо приготовить ужин. Я сейчас поставлю кипятить воду, а вы берите макароны и начинайте какждую макаронину продувать.

– А зачем их продувать? – не ведая подвоха, полюбопытствовали малыши.

– Как это зачем? Чтоб не слиплись.

Детишки на дурацкий розыгрыш клюнули моментально, разложили макароны на столе и принялись со рвением дуть в каждую макаронину. За этим занятием и застала их изумленная столь невиданной картиной бабушка. Она пыталась пресечь эту глупость, но не тут-то было. Вовка и Лена в один голос талдычили «дядя Олег сказал» и продолжали продувать макароны.

После ужина Анна Васильевна, по обыкновению, зашла на кухню. Я что-то строчил в блокноте.

– Занят? – спросила она и хмуро добавила. А придется прерваться.

Полагая, что сейчас последует справедливое внушение за нелепый розыгрыш, я смиренно вздохнул и приготовился извиняться. Но разговор принял совершенно неожиданный поворот.

– Ты что это удумал, в дом с продуктами приходить? – строго спросила она. – У нас что, еды нет, ты голодный ходишь? Стыдно, очень стыдно! Не ожидала, что ты способен меня так обидеть.

– Да помилуйте, Анна Васильевна. Чем же я вас обидел? На работе сегодня выдавали наборы. Куда же мне нести-то было, если не к вам? И потом, раз уже зашел такой разговор. Мне и так неловко. Я знаю, что ваша дочь живет отдельно. На детей, не обижайтесь только за прямоту, денег почти не дает. А тут я еще на вашей шее сидеть буду. Да мне просто кусок в глотку не лезет. Я же работаю, зарплату получаю. Почему же я не могу продуктов купить?

И вдруг она, отвернувшись, заплакала. Я от этого совсем растерялся, не знаю, как ее успокоить и, не понимая, чем же я так обидел свою хозяйку. Немного успокоившись, она с непередаваемой горечью заговорила:

– Неужели ты действительно не понимаешь, как меня обидел? Когда я, умирающая от голода, добралась из Ленинграда до Андижана и первый раз взяла в руки узбекскую лепешку, она показалась мне самым прекрасным блюдом из всех, какие я когда-то пробовала. Только бы был хлеб, мечтала я тогда. А какая нынче жизнь! И хлеба вдоволь, и других продуктов – ешь, не хочу. И ты еще смеешь о еде говорить.

– Но, Анна Васильевна, не можете же вы весь мир накормить и обогреть.

– Всех, всех, кого ты встречаешь в жизни, надо обогреть. – Анна Васильевна решительно загасила в пепельнице папиросу, поднялась с табурета, выпрямилась во весь рост и, хотя была она в домашнем застиранном халате, я я тотчас увидел перед собой строгую учительницу с указкой. В голосе ее зазвучал металл. – Никогда больше не смей этого делать. Ни-ког-да! – и твердой походкой вышла она из кухни.

Х Х

Х

...Наступил двадцатый мой день рождения. На сей «солидный» юбилей пригласил я к себе трех гостей, в их числе и своего непосредственного начальника Марка Кошеватского. К тому времени я уже был обладателем совершенно дивной отдельной комнаты «с удобствами во дворе». Ну, насчет комнаты я несколько погорячился. Баптист Федор оштукатурил пустовавший у него во дворе курятник, поставил печку-буржуйку, прорубил окно, приладил дверь и все это великолепие сдал мне за десять рублей в месяц.

– Первым делом повесь плотную занавеску на окно, – заявил мне суровый немногословный Федор, пряча в карман «червонец», принятый от меня в качестве оплаты за месяц вперед.

– Какую еще занавеску?

– Плотную, – повторил Федор и, видимо, считая разговор исчерпанным, зашагал прочь. Потом все же обернулся и снизошел до пояснения. – Ты девок водить будешь, а у меня дети.

В качестве подоконника Федор приспособил в курятнике широченную гладко оструганную доску, которая служила мне и обеденным и письменным столом. Привезенная из Ташкента портативная пишущая машинка «Москва» прекрасно вписалась в интерьер.

...В день рождения я выпросил у Федора на прокат кухонный шкафчик, который, по моему мнению, заменял праздничный стол, и несколько табуреток. Что-то я неумело стряпал сам, основное угощение приобрел в соседней чайхане и в итоге своими стараниями остался весьма доволен. Двое гостей – заведующий одного из отделов нашей редакции Марат Садвакасов и фотокорреспондент Боря Юсупов явились вовремя. Вручили подарки и ринулись сразу к столу. Я предложил подождать моего шефа, на что мне сразу же возразили, что трое одного не ждут. Мои гости, видно, дня три постились, так как закуски исчезали со стола с невиданной скоростью.

– Слушайте, мужики, давайте все же Марка подождем, – забеспокоился хозяин, видя столь стремительный натиск на стол.

Боря с набитым ртом, лишь энергично замотал головой, а Марат предложил: «Пойдем, покурим».

– Да кури здесь, на улице холодно.

– Ничего, ничего, пойдем, заодно и подышим.

Во дворе, пару раз глубоко затянувшись сигаретой, Марат сказал:

– Ты не огорчайся, но Марк не придет. Он мне сам сегодня днем позвонил и сказал.

– Он же обещал...

– Ну, по-моему, он заболел, – как-то неуверенно промямлил Марат, потом втоптал недокуренную сигарету в снег и решительно произнес. – Не хотел тебе день рождения портить, но сейчас решил, что ты должен знать правду. Иначе какой ты мужчина? Вчера вечером у Рубена Акоповича было небольшое совещание. Мы с Марком тоже присутствовали. После совещания Кошеватский сказал, что ему надо поговорить о работе своего отдела. В общем, он высказал мнение, что тебя надо уволить. И чем быстрее, тем лучше.

– Что значит, чем быстрее, тем лучше? – опешил я.

– Марк считает, что из тебя никогда не получится журналиста и нечего тебе жизнь портить, тратя время на специальность, которую ты выбрал неверно. Он сказал, что тебе надо возвращаться в Ташкент, закончить нормально университет и выбрать себе другую профессию.

– И все с ним согласились?

– Не все, – уклончиво ответил Марат. – Рубен Акопович сказал, что прежде, чем увольнять, хочет сам с тобой побеседовать, так что завтра жди вызова на ковер. А теперь пойдем в дом и постарайся не раскисать.

Легко сказать «не раскисать». Я едва дождался, когда гости уйдут и, естественно, провел бессонную ночь. Мне-то наивно казалось, что в редакции я уже свой человек, что работаю, как говорится, на уровне, а тут вон оно как все повернулось. Утром меня вызвал редактор.

О моей профнепригодности он не сказал ни слова. Деловито перебрал в папке бумаги, вытянул оттуда тетрадный листок, густо исписанный синими чернилами, протянул его мне.

– Это письмо пришло из колхоза. Некто обвиняет бухгалтера одного из колхозных отделений в том, что деньги, положенные старшеклассникам за сбор хлопка, бухгалтер попросту присваивает себе. Письмо анонимное, мы имеем право его не проверять. Но ситуация, к сожалению, типичная, думаю, что все здесь – правда. Так что я решил проверку письма поручить тебе. Если факты подтвердятся, напишешь материал. Отнесись к этому заданию со всей серьез-

ностью. Не скрою, от того, как ты справишься, многое для тебя в дальнейшем будет зависеть. Я тебя торопить не стану, да ты и сам не спеши, разберись во всем обстоятельно. Да, вот еще что. Своему заву, Марку Михайловичу, об этом задании можешь не докладывать. Я сам его предупреджу. Отправляйся хоть завтра.

– А сегодня можно?

– Нет, сегодня нельзя. Я же тебе сказал, не торопись. Иди к себе, как следует подумай, наметь план проверки, и только потом поезжай. Ты уж постарайся, Олег, – добавил Рубен Акопович, заметно смягчив тон.

ПРЕВЫСИВ ПОЛНОМОЧИЯ

Колхоз находился у черта на куличках. Даже в редакционном отделе сельского хозяйства, мне не смогли точно объяснить, как туда добираться. Сначала я доехал до райцентра, потом до правления колхоза, оттуда на попутном грузовике до отделения, где еще долго месил непролазную грязь, в которую превратился растаявший за ночь снег. В письме неведомого мне правдолюбца назывались фамилии детей, чьи деньги присваивала бухгалтер. Я стал разыскивать родителей этих детей. Разговаривали со мной хмуро, явно неохотно. Родители детей, все как один, твердили, что деньги за работу старшеклассников, колхоз начислил и выплатил исправно. Большого мне от них добиться не удалось. Короткий зимний день стремительно переходил в сумрачный вечер, а в моем блокноте, кроме фамилий, ничего не было. И тогда я, узнав адрес, отправился домой к «воровке-бухгалтеру», как она была поименована в письме. «Воровкой» оказалась еще довольно молодая полная женщина, хлопотавшая у плиты и слушавшая меня, как мне поначалу показалось, довольно рассеянно. Она не возмущалась, не всплескивала руками и вообще не проявляла никаких бурных эмоций. Потом присела к столу и спокойным, даже каким-то равнодушным голосом устало произнесла: «Это Вильков».

– Что – Вильков? – не понял я.

– Это Вильков написал. У нас в колхозе только он пишет.

– Так может, он за правду борется? – уточнил я.

– Да ну за какую правду? Всю жизнь лодырем был, потом, бугай здоровый, выхлопотал себе инвалидность. Пенсию получает, из дома носа не кажет, неизвестно за что обижен на весь белый свет. Он на кого только не писал. От проверок и комиссий отбоя нет. Теперь вот до меня добрался.

– А вас с ним что, конфликты какие были?

– Ага, были, – охотно подтвердила она. – Я на собрании при всех ему сказала, что нормальным людям от него житья нет.

– А откуда вы знаете, что это именно он пишет жалобы? Разве другие письма он подписывает соей фамилией?

– Нет, письма все анонимные. Но у нас же здесь не как в городе, все на виду. Да он и не скрывает особо. Как напишет очередную кляузу, так ходит гоголем и грозит: «Вот, скоро придет комиссия, разберутся с вами. А чего с нами разбираться, мы что, преступники какие? Ладно, пойдемте в бухгалтерию, посмотрите сами ведомости, Слова-то к делу не пришьешь, вам же факты нужны.

Бухгалтерия оказалась неподалеку. Из ящика стола женщина достала ведомости, показала их мне. Напротив каждой фамилии стояла роспись. Почерк везде был разный, но уж больно корявые были росписи.

– Что-то детишки как курица лапой карябают, – усомнился я.

– А это и не детишки вовсе, – спокойно ответила бухгалтер. – Школьникам деньги на руки не имеем права давать. Так что и деньги получают, и расписываются – родители. А уж они, поверьте, каждую копейку считают.

Мне ни разу до этого не доводилось изобличать расхитителей, так что опыта у меня не было вовсе. Но этой женщине я почему-то поверил сразу и безоговорочно. Выяснив, что остановка автобуса находится возле почты, я уж было собрался в обратный путь. Но тут вывеска «Почта» навела меня на одну крамольную мысль. Прекрасно понимая, что явно превышаю свои служебные полномочия, я уже не мог остановиться. Предъявив заведующей свое редакционное удостоверение, я попросил ее показать мне бланки телеграмм, отправленных за последний месяц. Расчет мой оказался верным, на сельской почте заведующей и в голову не пришла мысль поинтересоваться, имею ли я право на такую проверку. Красная книжица возымела свое действие и она протянула мне стопку телеграфных бланков. Всего две недели назад наступил новый год, так что бланков оказалось изрядно. Сверяя каждый рукописный текст с письмом анонима, я отобрал четыре бланка, почерки в которых показались мне схожими с письмом. На мою просьбу отдать мне эти бланки на пару дней, заведующая все также равнодушно покладисто согласилась. Она даже расписки с меня не потребовала, а только глянула в окно и сказала: «Если вам в район, то вон автобус идет».

Всю дорогу до Андижана я ломал голову над тем, что мне теперь делать с этими телеграммами, как сравнивать почерк. К тому же я понимал, узнай кто о моих явно незаконных действиях, по головке меня не поглядят, и тогда я уж точно, да еще и с «волчьим билетом», вылету из редакции. Утешив себя известным «начал драку не бойся, боишься – не дерись», я уснул крепким сном и кошмары меня не преследовали.

Во дворе нашей редакции находился научно-технический отдел (НТО) областного управления внутренних дел. С одним из экспертов я уже был неплохо знаком, к нему первым делом утром и отправился. Всю историю изложил не лукавя.

– Точно дура-почтальонша сама тебе телеграммы дала, не спер?

– Честное слово, не спер. Сама дала и даже никакой расписки не потребовала.

– Ну, это тебе повезло, – сделал вывод эксперт. – Значит, так. Я тебя конечно выручу, так и быть. Но, сам понимаешь, никакого официального ответа дать тебе не могу. Если найду схожий почерк, ткну пальцем и все. А дальше сам крутись, как хочешь.

– Когда скажешь?

– Забеги вечером. Я сегодня дежурю, так часикам к десяти подгребай, не раньше.

В одиннадцать часов вечера он зашел в редакцию, устроился возле моего стола и выложил на стекло два листка – письмо и бланк телеграммы. «Одной рукой написаны», твердо заявил эксперт.

– Ошибки быть не может?

– Задача для криминалиста первого месяца работы, – ухмыльнулся мой спаситель. – Уж больно характерный почерк, ну и еще кое-какие детальки, в которые я тебя посвящать не имею права.

Оставшись один, я еще раз перечитал текст телеграммы. Поздравительный текст был подписан разборчивой фамилией «Вильков».

С утра пораньше я снова отправился в колхоз и прямиком зашагал к дому Вилькова, который указал мне первый же встречный. Хозяин оказался дома. Крепкий, в меховой безрукавке, в коротко подрезанных валенках, с цепким колючим взглядом, он внимательно выслушал меня и спросил: «А почему, собственно, вы ко мне пришли?»

– А разве не вы письмо в редакцию написали?

– Нет, я письма не писал, хотя изложенные вами недостатки, безусловно имеют место быть, – витиевато высказался Вильков. – И уж коли вы обратились ко мне, могу дать пояснения.

После этого он, практически дословно, пересказал анонимное письмо.

Неразумное желание тут же уличить его, взяло верх над благоразумием и я запальчиво воскликнул:

– Хотя вы утверждаете, что письма в редакцию не писали, я думаю, что автор именно вы. Уж слишком содержание письма вам хорошо и подробно известно, что вы, собственно, мне только что и продемонстрировали.

– Ну, это еще доказать надо, – спокойно парировал Вильков. – Кстати, позвольте еще раз на ваше удостоверение взглянуть, а то я что-то фамилию вашу запомнил.

Он взял протянутое ему удостоверение, переписал на листок бумаги все данные и удовлетворенно заметил:

– Ну что ж, буду сигнализировать вышестоящим инстанциям. Обвинять права не имеете. Так что – до свидания. А я в амбулаторию пойду, кажись, от вашего визита давление подскочило.

В свой курятник я приехал поздним вечером. Едва попив чаю и, проглотив какой-то наспех сооруженный бутерброд, я, пренебрегая советом многомудрого своего редактора не торопиться, поспешил к пишущей машинке. Злость на этого самоуверенного кляузника хлопотала во мне. И все же я понимал, что напрямую обвинять Вилькова во лжи, у меня права нет. Частной моей экспертизе не то что грош цена, она скорее против меня и обернется. Разве что полученные за эти дни данные давали мне моральное право считать негодяя негодяем.

Свой материал я построил в виде открытого письма анониму. Вилькова обозначил лишь инициалом, приписав, что односельчанам и сам он и его укусы исподтишка хорошо известны. Злым и яростным, как потом говорили, получилось то первое в моей жизни журналистское расследование.

– Факты анонимного письма не подтвердились, – докладывал я следующим утром редактору.

Сафаров удивленно поднял брови и с явным сожалением констатировал: «Факты не подтвердились, значит, и материала нет».

– Как раз наоборот, – возразил я ему. – Факты не подтвердились, именно поэтому я написал материал.

– Когда ты успел, торопыга? – в голосе шефа прозвучали нотки явного недовольства. – Ладно, оставь, я посмотрю.

– Вечером, Николай Коркин, ответсекретарь редакции, встретив меня в коридоре, ворчливо упрекнул. Из-за тебя четвертую полосу переверстываю.

– Почему из-за меня?

– Шеф только что велел твоего анонима в номер поставить. Готовь бутылку – Рубен аж сияет весь. Говорит, вот так надо работать.

X X

X

...Не могу сказать, что после «открытого письма анониму» почувствовал я себя настоящим журналистом. Скорее наоборот. История с увольнением напугала меня изрядно, а скорее всего, вселила серьезные сомнения в собственных силах и способностях. Я шарахался от темы к теме, но все у меня из рук валилось. Информации и репортажи выходили из-под моего пера, а вернее из пишущей машинки, вялые, невыразительные – так, во всяком случае, мне самому казалось. И тут, видя мои метания, взялся за меня основательно Марат Садвакасов. Был он на двенадцать лет старше меня, в газете работал давно, так что ему-то самому опыта было не занимать.

– А ну-ка, ответь мне, книжный мальчик, что изрек Юрий Олеся в напутствие всем пишущим? – спросил меня однажды Марат.

– «Ни дня без строчки», – тоном прилежного ученика тотчас отрапортовал я без запинки.

– Ага, значит, помнишь, – удовлетворенно констатировал Марат. – Так вот, по отношению к себе переиначь это высказывание так – ни дня без информации.

– Да где ж ее взять, информацию эту проклятую. Я и так над этим голову себе сломал!

– Твоя беда в том, что в этом городе ты до сих пор не стал своим человеком. Ты не знаешь Андижана, не любишь его, и потому тебе все здесь кажется скучным, унылым, провинциальным.

– Ну, зачем ты так?..

– Не перебивай меня, и не возражай, Ты думаешь этого не видно? Видно, да еще как. Особенно мне. Я сам когда-то приехал сюда из Алма-Аты. Влюбился в свою Аську и приехал. Мне поначалу Андижан диким кишлаком казался, я спал и во сне видел, как в Алма-Ату возвращаюсь, а когда понял этот город, сразу открылся он мне иным. А вот каким, не скажу. Ты его для себя сам открыть должен. И тогда еще неизвестно, захочешь ли в свой родной Ташкент возвращаться. Вот что ты по вечерам делаешь, когда не дежуришь? – неожиданно поменял он тему разговора.

– Пишу, или читаю.

– Вот-вот. У тебя и друзей-то здесь нет, девушки знакомой и то нет. Короче, вот тебе план на ближайшее будущее. Утром зашел в редакцию, посидел на пятиминутке и – марш в город. Читай вывески организаций и учреждений и в первую попавшуюся заходи. Заходи и не смей уходить, сам себе запрети, пока у тебя в блокноте не будет хотя бы тридцатистрочной информешки.

– А если там писать не о чем?

– Так не бывает. Значит, ты не сумел найти ничего интересного. И грош цена тебе в таком случае, как репортеру.

И я «отправился в город». Следуя мудрому совету своего старшего друга, стучался, как говорится, во все двери. Поначалу мямлил, не умея точно сформулировать вопросы, но уже через месяц-другой всепоглощающий репортерский азарт захватил меня так, что удержу я уже не знал.

Марат оказался прав на все сто процентов. Город, совершенно иной Андижан, открылся вдруг мне. Здесь были великолепные спортсмены и студенческие команды КВН, ученые совершали открытия, а в колхозах не только выращивали хлопок, но строили жилье и разбивали прекрасные парки. С удивлением вдруг заметил, что на улицах со мной стали здороваться. Коллеги, занимавшие соседний кабинет, ворчали, что телефон на моем письменном столе теперь трезвонит беспрестанно, житья от него нет.

В центральных газетах, где количество творческих сотрудников исчислялось порой сотнями, журналисты боролись за место на полосе. В областной же редакции, при шести-то перьях, пиши – не хочу. В каждом номере у меня теперь появлялись репортаж и, как минимум, четыре-пять информации.

«Освоив» город, стал много ездить по районам области. Поражался филигранному мастерству народных умельцев, мотался со змееловами за коброй (из яда этой змеи добывали уникальное лекарство), летал по вызовам с врачами санитарной авиации, в поисках «изюминки» мотался в самые отдаленные предгорные кишлаки. Добрался даже до высокогорных пастбищ Памиро-Алая. Ту памирскую командировку не забыть мне никогда. И вспоминаю я ее во всяких экстремальных для себя ситуациях...

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Несколько лет назад к бизнесмену и меценату Сергею Михайлову обратились представители российской ассоциации полярников. Северный полюс в опасности. Вернее, в опасности не полюс, а полное отсутствие на нем России. После развала Советского Союза не разу не могли организовать работу дрейфующей станции. А вот канадцы, американцы, французы, норвежцы

и даже далекие от тех широт японцы проявляют к исследованиям Северного ледовитого океана все большее и больше внимание.

В общем, пылкие доводы полярников сводились вот к чему: уж коли государство не уделяет этой проблеме необходимого внимания, то должен же найтись истинный патриот России, который все хлопоты (главным образом финансовые!) возьмет на себя.

Михайлов доводам внял, сумел убедить и организовать еще несколько видных предпринимателей. Сергею Анатольевичу удалось консолидировать значительные средства, подготовка и работа первой российской дрейфующей полярной станции была проведена полностью на частные средства.

Подготовительный период длился почти год. Закупались домики для полярников и трактора, иные механизмы и научно-исследовательское оборудование, готовились к дрейфу полярники.

И вот наконец торжественный день настал. Из московского аэропорта Внуково чартерными рейсами вылетело сразу два самолета – как только открытие станции стало реальностью нашлось множество желающих принять участие в ее торжественном открытии. После многочасового перелета самолеты ненадолго приземлились в аэропорту Лонгиер – административном центре архипелага Шпицберген, а затем вылетели непосредственно на льдину.

По дороге бывший штурман полярной авиации Александр Валентинович Орлов, а ныне один из руководителей ассоциации полярников России, со знанием дела делился техническими подробностями. Он рассказал, что для подготовки взлетно-посадочной полосы нужно было найти определенных параметров кусок льдины длиной в 1100 метров. Удалось, правда, найти всего девятисотметровую полосу, но Саша считал, что самолеты и сядут и взлетят, так как пилоты у нас ну просто замечательные и с огромным опытом работы на Северном полюсе. Правда, один из самолетов, который доставил технику, уже на этой чертовой льдине шасси сломал, но на этот раз, глядишь, все обойдется. Он поведал мне также, что в том самом месте, где мы будем садиться, глубина Северного ледовитого океана четыре с лишним тысячи метров, но льдина, утверждал Орлов, хорошо застывшая, достаточно прочная и ничего нам не грозит. Честно признаюсь, его рассказы оптимизма мне лично не добавляли. Конечно, напросившись в экспедицию, трусом выглядеть не хотелось, поэтому я и помалкивал, вспоминая невольно свой небогатый, но достаточно плачевный опыт общения со снежной стихией.

Я родился и вырос в Узбекистане. Снег для тех краев редкость, но я умудрился нахлебаться именно от снега. Причем, что называется, на ровном месте.

Еще только начиная работу в журналистике, оказался я предгорьях Тянь-Шаня на чемпионате СССР по дельтапланеризму. И дернула меня нелегкая самому попробовать на этом крыле полетать. После инструктажа и долгих наставлений, слетел я с какого-то пустячного пригорка, ног умудрился не переломать, живой-невредимый коснулся земли и страшно собой гордый стал складывать дельтаплан. А вся группа спортсменов к тому времени уже полеты закончила собралась вместе и по тропке отправилась вниз, к маленькой гостиничке, где поселились участники чемпионата.

Закрепив надежнее дельтаплан, я тоже стал спускаться. В этот момент резко, как это бывает только в горах, стемнело, я, видно, пошел не по той тропе, да еще и оступился. А оступившись, оказался в какой-то яме, которая немедленно наполнилась осыпавшимся снегом и накрыла меня с макушкой. Кое-как снег разворошив, отдышался и сделал первую попытку выбраться на поверхность. Но не тут-то было. Снег осыпался, становился рыхлым и я лишь оскальзывал, проваливаясь все глубже. Где-то, совсем рядом, шумело шоссе, явственно слышалось беспрестанное шуршание шин по асфальту, посверкивали всполохи автомобильных фар, а я торчал в этой снежной яме и не мог выбраться. Успокоившись и пытаясь рассуждать логично, я стал прикидывать, когда бесшабашная спортивная братия обратит внимание на мое отсутствие и отправится на поиски. Но та же логика подсказывала, что в темноте поиско-

вики могут искать меня совсем на другом склоне и шансы быть найденным ничтожно малы. Придя к такому невеселому выводу, я занялся делом. Несколько часов, с небольшими передышками, уплотнял снег, вырубая потом ступеньки. И вот, наконец, оказался на тропе. Стыдно признаваться, но страху я тогда натерпелся изрядно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.